

© 2020 г.

П.С. СОРОКИН, И.Д. ФРУМИН

ПРОБЛЕМА «СТРУКТУРА/ДЕЙСТВИЕ» В XXI в.: ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ВЫВОДЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПОВЕСТКИ

СОРОКИН Павел Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник (psorokin@hse.ru); ФРУМИН Исаак Давидович – доктор педагогических наук, профессор, научный руководитель (ifroumin@hse.ru). Оба – Институт образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия, Москва.

Аннотация. Статья рассматривает классический вопрос социологии о соотношении «структуры и действия» (“structure/agency”) через призму образования в контексте проблем современного социально-экономического развития на глобальном и национальном уровнях. Фокус статьи – вопросы общей социологии. Ключевой тезис в том, что, с учетом кризисных тенденций социально-экономической динамики и в условиях существенного повышения темпов социальных и технологических изменений, возникает феномен «деструктуризации», который приводит к тому, что объективные возможности «действия» по изменению «структуры» возрастают. Более того, эффективное использование этих возможностей становится необходимым условием трансформаций в экономике и обществе. Поэтому особую актуальность в теоретических дискуссиях и практической повестке приобретают вопросы содержания, эффектов и механизмов такого типа действия, которое предлагается называть «трансформирующей агентностью» (transformative agency) или «активной самостоятельностью». В поиске ответа на эти вопросы полезны некоторые разработки смежных дисциплин (включая экономику) и идеи российских социологов.

Ключевые слова: структура/действие • социальные институты • тренды социально-экономического развития • деструктуризация • человеческий капитал • российская традиция социологии • трансформирующая агентность • активная самостоятельность

DOI: 10.31857/S013216250009571-1

Введение. Большинство дискуссий о характеристиках человека и общества, об их взаимодействии и изменении ставят в центр вопрос о месте человека в социальной структуре. Как оно меняется и почему? Что отличает людей, которые показывают выраженную позитивную или негативную мобильность? Почему одни общества в большей степени открыты для такой мобильности в сравнении с другими? Общество с этих позиций предстает как объективный и «жесткий» ландшафт со своими высотами и низинами, а человек – как странник, конкурирующий с другими за более выгодные места на «карте социального

В работе использованы результаты проекта «Т3-29» в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.

Авторы выражают признательность Я.И. Кузьминову и А.Б. Повалко (оба – НИУ ВШЭ) за ценные суждения и идеи.

мира». Эта постановка, традиционная для классической и современной социологии, несколько оставляет в тени вопрос о возможностях человека трансформировать структуру. Причем не только через революционное, протестное поведение, но и в эволюционном ключе, основанном на солидарности, а не на конфликте. Между тем тенденции социально-экономического развития последних десятилетий делают особенно острой проблему стимулирования позитивных изменений в социальной структуре и актуализируют поиск новых источников соответствующих трансформаций.

Именно это несоответствие, по нашему мнению, может иметь значение для понимания кризиса престижа и авторитета социологии как науки, который отмечается в литературе последних лет [King, 2019]. Отмечая указанный дисбаланс, в данной статье мы рассматриваем проблемы условий, содержания и эффектов типа действия (agency), которое мы предлагаем называть «трансформирующей агентностью» или «активной самостоятельностью» [Кузьминов и др., 2019]. Особое внимание уделяется обоснованию важности темпорального измерения: в условиях существенного повышения темпов социальных и технологических изменений возрастают значение и объективные возможности «действия» по изменению «структуры».

Особый потенциал совершенствования концептуального и методологического аппарата социологии имеет российская традиция социологического теоретизирования, для которой важный смысл имело «личностное» измерение социальных процессов (в том числе для так называемой «субъективной школы» и позже для «интегральной социологии» П.А. Сорокина). Еще одним источником понимания природы и механизмов формирования трансформирующего действия может оказаться конструкт «человеческого капитала», разработанный в экономической науке, и, прежде всего, идея Т. Шульца о «предпринимательском элементе», позволяющем человеку быть успешным в условиях структурных изменений.

«Структура/действие»: основное содержание дискуссии. Вопрос соотношения «(социальной) структуры» и «(человеческого) действия» остается одной из тем, дискуссия вокруг которых в социологии, вероятно, никогда не прекратится [Udehn, 2002]. Правы ли исследователи, которые утверждают, что даже в случаях, когда, казалось бы, имеет место действие, «трансформирующее» или даже «ломающее» структуры, – наблюдаемые структурные изменения являются следствием других структурных факторов (например, «естественной», не зависящей от воли и усилий отдельного человека, динамики исторического развития классовых отношений)? Возможно ли, и если да, то благодаря каким факторам (внутренним и внешним) появление такого действия, которое не просто «воспроизводит», но проактивно меняет структуру?

История социологии предлагает богатую палитру подходов к ответу на эти вопросы. Однако, как показывают существующие обзоры, основной вопрос, которым задаются социологи, состоит не в том, «как формируется действие, меняющее структуры», или «каковы эффекты такого действия», а в том, «как структуры детерминируют действие» (см.: [Udehn, 2002; Schoon, Lyons-Amos, 2016; King, 2019]).

В частности, даже наиболее убедительные аналитические конструкты «структуры-действия», акцентирующие характеристики микроуровня (например, межличностное взаимодействие), по сути, ориентированы на «структуры». Такова известная теория Р. Коллинза о «цепочках ритуалов интеракции» (IRC – interaction ritual chain). В центре «цепочек» лежит энергетический обмен между людьми, который, как может показаться на первый взгляд, формирует социальный порядок в логике «снизу вверх». Однако Коллинз пишет по этому поводу: «Я совершенно не имею в виду, что высшие классы – это особенно энергетически заряженные индивиды: они продукты процессов, которые влияют на всех нас и в которых все мы (с очень большой вероятностью) легко взаимозаменяемы» (цит. по: [King, 2019: 43]).

О причинах пересмотра проблемы «структура-действие». В глобальном и национальном масштабах последние десятилетия демонстрируют беспрецедентные по размаху и длительности негативные тенденции и риски в области социально-экономического

развития (стагнация экономики, резкое усиление неравенства, миграционный кризис, вызовы старения населения и многое др.). Одна из причин этого – становление глобальности как нового объективного состояния мира, которое означает на порядок большую сложность и масштабность социальных систем: событие в одной сфере жизни в одном уголке мира может резонировать по всей планете, охватывая новые и новые области [Sorokin, 2016]. Ярким примером, пусть печальным, являются события, связанные с эпидемией коронавируса 2020 г.

Россия имеет темпы социально-экономического развития ниже среднемировых и ряд «отягощающих» факторов, включая демографический. На этом фоне в литературе [Brynjolfsson et al., 2019, Кузьминов и др., 2019] появляются утверждения, что необходима перестройка сложившихся структур (в том числе формальных организаций) и институтов (устойчивых моделей действия в формальной и неформальной сферах) в ключевых отраслях общественной жизни. В частности, при отсутствии изменений в моделях экономического поведения (например, повышения эффективности предпринимательского сектора) неизбежно снижение производительности труда на макроуровне и, как следствие, негативные социальные эффекты и падение качества жизни [Brynjolfsson et al., 2019].

Можно констатировать высокую практическую и теоретическую актуальность вопроса о трансформирующей силе «действия» по отношению к «структуре». Для решения этой задачи необходим критический анализ широкой совокупности разработок мировой социальной мысли (в том числе с междисциплинарных позиций).

Социология среди других наук: особое значение «структуры», не «действия».

Появление и институционализация социологии во второй половине XIX в. в существенной степени были связаны со стремлением понять и объяснить исторический переход от общества традиционного типа к обществу «модерного» типа (К. Маркс, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Ф. Тённис, М. Вебер и многие другие; среди российских социологов – М. Ковалевский). Парадокс этого перехода (пожалуй, впервые четко отраженный в работах М. Вебера) заключался в том, что одновременно происходили казавшиеся противоречивыми процессы. С одной стороны, нарастание культурной и юридической легитимности идей о правах и свободах человека (см. подробнее: [Meyer, 2010]); расширение возможностей социальной мобильности и темпов социальных изменений на основе представления о человеке как о рациональном и свободном существе, равном в правах с другими. В центре этого процесса стоит то, что можно условно назвать расширением пространства «индивидуальной агентности» – «expanded actorhood», употребляя понятие из нового институционализма в социологии [Meyer, 2010].

С другой стороны, формирование институтов, регулирующих указанную «агентность», включая, прежде всего, бюрократическую модель организации (распространявшуюся на сектор государственного управления, экономику и другие сферы общественной жизни), становление институтов современной представительной демократии, расширение механизмов идеологического контроля. Работы, описывающие данную совокупность процессов, входят в мейнстрим литературы по социологии, организационной теории, культурологии, экономике, философии и государственному управлению. Пожалуй, с точки зрения глубинных механизмов, благодаря которым «структуры» подчиняют «действие», несмотря на достигнутые формальные свободы индивида, особое значение имеет хорошо известная многим социологам идея М. Фуко о «Governmentality». В одной из наиболее популярных интерпретаций это понятие обозначает совокупность практик контроля, подчиняющих стратегии действия якобы свободных индивидов логике доминирующих структур рынка и государства [Mayhew, 2004].

Обобщая, можно сказать, что по мере расширения пространства легитимной «агентности» появлялась регламентация соответствующей деятельности. Тем самым «структура» и «действие» оказывались неразрывно связаны, что нашло полное отражение в истории социальной мысли.

Таким образом, взаимосвязь «структур» и «действий» изначально заложена в природу того процесса, объяснить который была призвана социология с момента своего зарождения. Вместе с тем важно помнить, что стартовым тезисом, положившим начало социологии как самостоятельной науки, был тезис Дюркгейма об онтологической специфичности ее объекта – условно назовем его «общество» (другое допустимое понятие – «социальные структуры»). С этой точки зрения первичное внимание именно к «структуре», не к «действию», – в существенной степени предопределено историей социологии как науки.

С рассматриваемого ракурса история социологического теоретизирования проблем «структуры» и «действия» предстает в любопытном свете. С одной стороны, приоритет внимания к «структуре» (особому объекту, требующему «специальную» науку) был предопределен процессом дисциплинарной институционализации. С другой стороны, объективный характер анализируемых процессов состоял в расширении «действия» («агенсу» – «агентности»), пусть под сильным регуляторным воздействием «структур».

Мы сознательно избегаем подробного рассмотрения разработок проблемы структуры и действия в рамках философского структурализма и постструктурализма (К. Леви-Стросс, Р. Барт, М.П. Фуко, Ж. Делёз, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр и др.). Вместе с тем отметим, что, как следует из существующей литературы, концепции философского структурализма (прежде всего, идеи Леви-Стросса и раннего Фуко), с точки зрения интересующего нас теоретического ракурса (оставляя в стороне вопросы методологии) вполне соответствуют социологическому мейнстриму: т.е. утверждают приоритет «структуры» над «действием».

«Структура» важнее «действия». Можно условно выделить два основных способа аргументации в пользу преобладания «структуры» над «действием» в социальной науке.

Первый предполагает сохранение тезиса об аналитической (и/или онтологической) самостоятельности «индивида» – при постепенном снижении его «возможностей» по отношению к структуре. Эти аргументы встречаются с XVIII в. Из ведущих социологов XX в. Дж. Колман (Coleman) четко различает индивида и структурные позиции с решающим значением вторых по отношению к первым (см.: [Udehn, 2002]). Вероятно, данный тренд можно проследить и раньше – например, у И. Гофмана с его различием между институциональными «обстановками» и индивидуальным поведением с безусловным приоритетом первых. Наверное, наиболее яркой иллюстрацией этого подхода в литературе последнего десятилетия можно считать концепцию «расширенного действия» Дж. Мейера [Meyer, 2010], который утверждает, что даже то действие, которое меняет локальные структуры, является продуктом социально-культурных образцов поведения, навязываемых индивидам и группам социально-культурным образованием более высокого уровня («Всемирным обществом» или «World Society»). Таким образом, возникает своеобразная «матрешка» «структур» и «действий».

Второй способ социологического теоретизирования, ведущего к «подчинению» действия структуре, состоит в отказе от признания аналитической и/или онтологической самостоятельности за индивидуальным действием через утверждение о буквальной (не метафорической) неразрывности структур и действия. Наиболее яркими представителями этого подхода являются, например, Э. Гидденс (теория структуриации) и П. Бурдьё (теория полей). Понятие «структуриации» Гидденса означает слитность двух сторон «классического уравнения»: структуры и действия. У Бурдьё понятие «габитуса» – который локализован в индивиде, но является продуктом социальных полей (то есть фактически институтов и структур) – и есть аналитический инструмент, которым «решается» проблема «в пользу» структуры (см. подр.: [Lizardo, 2010]).

Несмотря на явные различия между двумя выделенными способами, которые разные социологические традиции применяют для объяснения подчиненного положения индивида и действия в их метафорическом «противостоянии» со структурой, суть у них одна: индивид с его действиями отказывается в решающей роли в социально-историческом процессе.

Что происходит в реальности: тренды «деструктуриации» и изменения природы институтов. Глобальные изменения последних десятилетий ставят под вопрос устоявшиеся представления о соотношении «действия» и «структуры». Речь идет о тенденциях

в ключевых сферах общественной жизни, которые можно обозначить как тренд «деструктуризации» и вытекающее из этого изменение природы институтов. Эти тезисы опираются на определения «структуры» и «институтов», предложенные в обзорной статье в *Annual Review of Sociology* (см.: [Udehn, 2002]), согласно которому структура предполагает набор взаимосвязанных позиций, во многом предопределяющих то, как индивиды взаимодействуют между собой в рамках этих позиций, а институты лишь задают правила взаимодействия. Для иллюстрации этого различия автор приводит пример института, который не является структурой (в изложенном выше понимании), – игра в шахматы; в ней есть правила взаимодействия, следовательно, это институт. Однако нет замкнутой на данный институт структуры, предопределяющей действие индивида. Иерархическая структура может возникнуть – но только как результат действия (перед началом игры никто не имеет структурных преимуществ). Противоположной ситуацией и примером структуры является театральная пьеса, где каждый актер строго выполняет соответствующую роль, а исход спектакля предопределен заранее написанным сценарием. Заметим, что эта «сценарная» логика доминирует во многих сферах общественной жизни, например в сфере образования: причем как с точки зрения траектории движения учащегося по уровням образования и далее, после выхода на рынок труда, так и с точки зрения событийной динамики каждого отдельного урока. Доминирующая парадигма предполагает кумулятивно развивающуюся цепь взаимосвязанных заданий, для каждого из которых есть заранее определенные «правильный» ответ и метод достижения.

Если согласиться с предложенными Уденом определениями «структуры» и «института», можно видеть постепенное снижение степени, в которой социальные взаимодействия предопределяются «структурами». Такой процесс можно назвать «деструктуризацией». Иными словами, социальное взаимодействие становится все более похожим на шахматную игру. Фактически многие структуры постепенно исчезают или же, как минимум, степень их влияния на действия индивидов снижается. В экономической жизни (например, на рынке труда) это проявляется в резком снижении доли корпоративной занятости традиционного типа, росте доли фрилансеров (на рынке труда США, согласно прогнозам, – до более 50% рабочей силы к 2027 г.¹). В Европе также фиксируется значительный рост этой формы организации трудовой деятельности (рост на 45% за последние 10 лет по данным компании Malt, оказывающей сервисы фрилансерам [Malt, 2018]). Этот процесс можно называть «деструктуризацией». Любопытно, что, как показывают экспериментальные исследования, формат удаленной работы может оказаться экономически выгодным с точки зрения традиционных показателей бизнес-эффективности: выработка продукции на единицу времени, количество отработанных рабочих часов и т.п. (см.: [Bloom et al., 2015]).

Суть этих и других схожих тенденций в том, что отчасти – благодаря развитию технологий и появлению онлайн-платформ в последние годы – значительное количество видов деятельности, которые прежде были принципиально невозможны без жесткого структурного оформления (организация с обязательными признаками модели бюрократии по Веберу), приобретают иную природу. Дело не просто в том, что они становятся «текучими» и «непредсказуемыми» (Дж. Урри, С. Лэш и др.). Они все чаще требуют иного типа поведения – нерутинного, связанного не с повторением регламентов, алгоритмов и шаблонов, а с изобретением новых способов действия. В этом отношении структуры становятся объективно и предсказуемо более зависимыми от характеристик индивида – тех выборов, которые он совершает, и тех качеств, которыми он обладает для реализации своих стратегий, включая навыки. Причем реализация стратегий предполагает не только и не столько эффективное функционирование в существующих структурах – сколько способность эффективно менять и создавать новые структуры (партнерства, команды, сети отношений и др.). Например, нормой трудовой карьеры становится не только регулярная смена рабочих мест, но и «предпринимательский характер» организационного поведения

¹Freelancing in America. 2017 // Upwork Global. URL: <https://www.upwork.com/ifreelancing-in-america/2017/> (дата обращения: 11.03.20).

на каждом конкретном рабочем месте. От сотрудников современных организаций все больше ожидается не только узкотехнический функционал, но и постоянное участие в командообразовании, проактивная вовлеченность в проектную работу и т.д.

Изменение природы институтов, но не их исчезновение. Постепенное снижение значения структур (связанное с повышением их изменчивости) не означает снижения важности институтов. Продолжая пример шахмат, можно сказать: возрастает подверженность правил «игры» действиям индивидов, которые не только и не столько «разрушают», «уничтожают» институты, сколько создают новые. Например, институты «shared economy» («экономики совместного пользования»), включая коворкинг и коливинг [Merkel, 2019; Frichot, Runting, 2017], предлагающие новые форматы и нормы взаимодействия людей в работе и жизни. Таким образом, реальность социальных изменений не соответствует некоторым постмодернистским концепциям социальной реальности, утверждающим тотальное разрушение социальной ткани и атомизацию общественной жизни (Лиотар, Бодрийяр и др.).

Следуя логике определения Удена, происходит не исчезновение, а изменение природы институтов, их центральным элементом становится не закреплённая в классовой принадлежности целых поколений внешняя «структура», но «действие», создающее ткань солидарности здесь и сейчас. Поддержка этой силы «действия» (созидающей новые институты), а не отмирающих «структур» может стать одним из важных направлений практической политики. Фактически реальность XXI в. формирует запрос на способность человека создавать новые институты в условиях растущей структурной нестабильности и изменчивости. Разумеется, это имеет фундаментальное значение для сферы образования.

В основе многих новых форм социально-экономических отношений лежат конкретные технологические, ценностные и культурные трансформации. Большинство практик «экономики совместного пользования» построены на платформенных технологиях, которые, с одной стороны, снимают необходимость жестких организационных структур и традиционных форм социального контроля, с другой – резко актуализируют важность непосредственного доверия между людьми. Способность людей установить солидарные отношения особенно обостряется в ситуации, когда количество «степеней свободы» в поведении каждого резко увеличивается параллельно с ростом разнообразия самих участников взаимодействия.

В качестве примеров конкретной практики можно привести, например, платформу Couchsurfing. Ее смысл в том, что пользователи соглашаются принимать у себя дома других пользователей (проживающих в других городах и странах) без взимания платы, но и сами могут бесплатно пожить у другого пользователя. Отметим пример новых финансовых институтов: краудфандинговая платформа Kickstarter, участники которой поддерживают друг друга в реализации творческих проектов на принципах благотворительности. В условиях кризисных тенденций глобальной экономики в 2020 г. часть новых социально-экономических практик платформенного типа, которая основана на отрицании материалистических интересов или предполагает помощь в решении экономических трудностей других людей на основе принципов солидарности, приобретает особое практическое значение.

Эта социальная реальность радикально отлична не только от реальности обществ традиционного типа, но и обществ индустриальной эпохи. Поэтому, естественно, для ее понимания необходим пересмотр привычных взглядов на соотношение между «структурой» и «действием».

Перспективные концепции для понимания трансформирующего потенциала действия. К примерам социологических разработок, идущих вразрез с доминирующим трендом приоритета структуры над действием, относится концепция рефлексивности М. Арчер [Archer, 2007]. В отличие от идей рефлексивности Э. Гидденса, она, отталкиваясь от тезиса об онтологической самостоятельности индивида, рассматривает рефлексивность как неотъемлемую способность каждого человека следовать логике тех или иных «структур», делать выбор между тем, каким ожиданиям следовать. При этом утверждается «смерть габитуса» исходя из того, что современный мир слишком сложен, меняется

слишком быстро (в том числе меняются и сами структуры), чтобы всерьез рассуждать о том, что поведение в нем может определяться социально унаследованными неосознаваемыми диспозициями (см.: [King, 2010]).

Согласно Арчер, человеческое поведение принципиально не поддается диктату ни одной из структур. Однако относительно меньшая популярность ее позиции, в сравнении с Гидденсом или Бурдье, подтверждает: большинство современных авторов признают «первенство» структуры над действием или же сводимость второго к первому. Добавим, что разделяемый рядом социальных мыслителей (включая философов и социологов, например Зигмунд Бауман, Скот Лэш или Джон Урри) тезис о «текущем» обществе верно улавливает резко возросшую гибкость и изменчивость структурного каркаса общества. Однако, по нашему мнению, интерпретаторы порой делают поспешный вывод, утверждая, что «общества», как «целого», более не существует (см. обзор подходов: [Touraine, 2003]).

Продуктивными для понимания современных тенденций представляются разработки современных российских социологов в области общей социологии ([Девятко, 2003; Иванов, 2012; Кравченко, 2018] и др.). Ж.Т. Тощенко представил критику структурно-функционального подхода, показав, что «живое сознание и поведение – самые “богатые” по своим проявлениям общественные процессы», и призвав «анализировать конкретные контексты, обуславливающие действие» [Тощенко, 2000: 11]. И.Ф. Девятко [2003], обосновала проблему ограниченности как «бихевиористского», так и «волюнтаристского» подходов к объяснению действия в социологии, с опорой на критику современного международного дискурса. Позиция С.А. Кравченко [2018] примечательна, в частности, с точки зрения фиксации практических вызовов современности через призму динамики структурных трансформаций и возникающих на этой основе новых, неожиданных эффектов «действия». Также существенный вклад в понимание соотношения между «структурой» и «действием» внесли А.Г. Здравомыслов, Ю.Н. Давыдов, Н.Е. Тихонова и ряд других авторов. Упрощая, можно заключить, что предлагаемые рядом современных российских исследователей решения и подходы, несмотря на свою самобытность и инновационность (подробно обсудить которую нет возможности в настоящей работе), отчасти схожи с разработками передового зарубежного дискурса, включая идеи Э. Гидденса и П. Бурдье. С одной стороны, отрицается «субъективизм». С другой стороны, фиксируется не только взаимообусловленность «структуры» и «действия», но и (зачастую имплицитно) их интеграция, онтологическое единство, как бы широко при этом не трактовалась «структура» (например, как «поток» [Иванов, 2012]).

В современном международном социологическом дискурсе распространены оценки российской социологии как молодой науки, которой предстоит многое перенять у западного мейнстрима [Сорокин, 2017]. Как вытекает из текста выше, эти оценки как минимум спорные. Если же рассмотреть более ранние разработки отечественных авторов, то и там можно обнаружить существенный потенциал для содержательного вклада в развитие мировой науки.

Прежде всего, для ряда классиков российской социологии характерен фокус на субъективно-личностном измерении социальной реальности (внимание к личности, особое значение и глубокая проработка этических вопросов, в ряде случаев – признание особого онтологического статуса индивида). Кроме того, российской социологии исторически свойственна нацеленность на острые социальные проблемы, когда «практическая актуальность» исследуемого вопроса определяет «метод» в исследовании. В XIX в. Н.К. Михайловский и П.Л. Лавров разработали «субъективный метод» в социологии, показав, что социальные феномены и даже «общественный прогресс» должны оцениваться с учетом субъективного фактора. «Субъективно-личностное» измерение социальной динамики сегодня остается крайне актуальным вопросом в мировом дискурсе. В частности, западные авторы в ведущем зарубежном журнале по социальной стратификации отмечают как важную методологическую инновацию признание того, что для понимания неравенства в образовании необходимо учитывать системы координат, в которых сами люди

рассматривают свое положение (не только представления о структурной дифференциации, которые социологи априори полагают само собой разумеющимися) [Schoon, Lyons-Amos, 2016].

М. Ковалевский, лично знакомый с К. Марксом и Г. Спенсером, доказывал значимость «морального измерения» социального развития, полагая одним из основных критериев прогресса рост солидарности, как результата свободного морального выбора человека, а не следствия жесткого навязывания определенных правил (см. подробнее: [Sorokin, 2015; 2017]).

Особое значение с точки зрения потенциала обогащения аппарата современной социологии имеют идеи П. Сорокина. «Интегральная концепция» Сорокина предполагает три основных элемента социологической теории: личность, общество (понимаемое, прежде всего, как структура) и культура [Sorokin, 1947: 63–64]. Признание онтологического статуса личности, не сводимого к структурным эффектам, и самостоятельного значения измерения «культуры» показывает высокий потенциал его концепции для ситуации XXI в., когда детерминизм «структур» значительно ослабевает, культуры становятся все более разнообразными, личность постепенно становится ключевой опорой социальной реальности [Mironenko, Sorokin, 2018].

Сорокин рассматривал в качестве важного ответа на кризисные процессы в современности развитие альтруизма и «солидарности». Последняя понималась им как ориентация и практическая способность участников взаимодействия обеспечить позитивный эффект этого взаимодействия для другого (не только для себя), включая альтруистические формы поведения. Теоретико-методологическое наследие Питирима Сорокина очень релевантно для изучения новых форм индивидуального и коллективного социального действия, которые отрицают привычные для капиталистических обществ XX в. ценности и принципы действия.

Для обновления теоретико-методологического аппарата социологии, вероятно, имеет смысл и обращение к смежным наукам. Интерес представляет, в частности, позиция Т. Шульца [Schultz, 1975; 1979] – одного из основателей теории человеческого капитала. Данная теория подвергается критике за недооценку значения структурных факторов – прежде всего, сферы образования. Менее обсуждаема (в том числе социологами) идея Т. Шульца о «предпринимательском элементе» человеческого капитала, который позволяет человеку не просто автоматически подчиняться диктату текущей рыночной ситуации, но преобразовывать структуры (например, через переобучение, переезд в другой город в поисках лучшей жизни и т.п.). Насколько известно авторам, Шульц не разработал подробно вопрос, в какой степени «предпринимательский элемент» человеческого капитала может стать движущей силой глубинных и масштабных преобразований социальной структуры. Однако релевантность такой постановки вопроса несомненна в контексте классической социологической дискуссии о структуре и действии.

Проведенный анализ показывает возможность нового цикла дискуссии о соотношении «структуры» и «действия». Вместо продолжения теоретизирования, «почему у людей нет выбора» перед лицом «всесильных» структур и институтов, предлагается поворот в сторону человека и изучения возможностей, принципов и механизмов его действия, не только воспроизводящего, но и меняющего, разрушающего и создающего институты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003. [Deviatko I.F. (2003) *Sociological Theories of Agency and Practical Rationality*. Moscow: Avanti plus. (In Russ.)]
- Иванов Д.В. К теории потоковых структур // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 8–16. [Ivanov D.V. (2012) Concerning the Theory of Stream Structures. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 8–16. (In Russ.)]
- Кравченко С.А. Усложняющиеся метаморфозы – продукт «стрелы времени» и фактор социоприродных турбулентностей // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 3–11. DOI: 10.31857/S013216250001952-0. [Kravchenko S.A. (2018) Increasingly Complex Metamorphoses – the Product of

- "Arrow of Time" and Factor of Socio-Natural Turbulences. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3–11. DOI: 10.31857/S013216250001952-0. (In Russ.)]
- Смелзер Н. Социология: Сексуальные различия и социальные вознаграждения // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 79–88. [Smelser N. (1992) Sociology: Sexual Differences and Social Rewarding. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 79–88. (In Russ.)]
- Сорокин П.С. Российская социологическая традиция в международном научном дискурсе: особенности, проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 117–126. [Sorokin P.S. (2017). Russian Sociological Tradition in the Context of International Discourse: Specific Features, Problems, and Perspectives. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 117–126. (In Russ.)]
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 3–12. [Toschenko Z.T. (2000) Sociology of Life as a Concept for Research in Social Reality. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–12. (In Russ.)]
- Archer M.S. (2007) *Making our Way through the World: Human Reflexivity and Social Mobility*. New York: Cambridge University Press.
- Bloom N., Liang J., Roberts J., Ying Z.J. (2015) Does Working from Home Work? Evidence from a Chinese Experiment. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 130. No. 1: 165–218.
- Brynjolfsson E., Rock D., Syverson C. (2019) Artificial Intelligence and the Modern Productivity Paradox: A Clash of Expectations and Statistics. In: Agrawal A., Gans J., Goldfarb A. (eds) *The Economics of Artificial Intelligence: An Agenda*. Chicago: University of Chicago Press: 23–57.
- Frichot H., Runting H. (2017) In Captivity: The Real Estate of co-Living. In: *Architecture and Feminisms: Ecologies, Economies, Technologies*. London: Routledge: 140–149. DOI: 10.4324/9780203729717.
- Goffman E. (1967) *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behaviour*. New York: Doubleday.
- King A. (2019) Emotion, Interaction and the Structure-Agency Problem: Building on the Sociology of Randall Collins. *Thesis Eleven*. Vol. 154. No. 1: 38–51. DOI: 10.1177/0725513619874929.
- King A. (2010) The Odd Couple: Margaret Archer, Anthony Giddens and British Social Theory. *The British Journal of Sociology*. Vol. 61. Iss. s1: 253–260. DOI: 10.1111/j.1468-4446.2009.01288.x.
- Kuzminov Ya., Sorokin P., Froumin I. (2019) Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice. *Foresight and STI Governance*. Vol. 13. No. 2: 19–41. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.19.41.
- Lizardo O. (2010) Beyond the Antinomies of Structure: Levi-Strauss, Giddens, Bourdieu, and Sewell. *Theory and Society*. Vol. 39. No. 6: 651–688. DOI: 10.1007/s11186-010-9125-1.
- Mayhew S. (ed.) (2004) *A Dictionary of Geography*. Oxford, UK: Oxford University Press. (Article: Governmentality.)
- Merkel J. (2019) 'Freelance Isn't Free.' Co-working as a Critical Urban Practice to Cope with Informality in Creative Labour Markets. *Urban Studies*. Vol. 56. No. 3: 526–547. DOI: 10.1177/0042098018782374.
- Meyer J.W. (2010) World Society, Institutional Theories, and the Actor. *Annual Review of Sociology*. Vol. 36: 1–20. DOI: 10.1146/annurev.soc.012809.102506.
- Mironenko I.A., Sorokin P.S. (2018) Seeking for the Definition of "Culture": Current Concerns and their Implications. A Comment on Gustav Jahoda's Article "Critical Reflections on some Recent Definitions of 'Culture'". *Integrative Psychological and Behavioral Science*. Vol. 52. No. 2: 331–340. DOI: 10.1007/s12124-018-9425-y.
- Schoon I., Lyons-Amos M. (2016) Diverse Pathways in Becoming an Adult: The Role of Structure, Agency and Context. *Research in Social Stratification and Mobility*. 2016. Vol. 46. Part A: 11–20. DOI: 10.1016/j.rssm.2016.02.008.
- Schultz T.W. (1979) Prize Lecture. *NobelPrize.org*. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1979/schultz/lecture/> (accessed 11.03.20).
- Schultz T.W. (1975) The Value of the Ability to Deal with Disequilibria. *Journal of Economic Literature*. Vol. 13. No. 3: 827–846.
- Sorokin P.A. (1947) *Society, Culture and Personality: A System of General Sociology*. New York: Harper.
- Sorokin P. (2016) 'Global Sociology' in Different Disciplinary Practices: Current Conditions, Problems and Perspectives. *Current Sociology*. Vol. 64. No. 1: 41–59. DOI: 10.1177/0011392115601462.
- Sorokin P. (2015) The Russian Sociological Tradition from the XIXth Century until the Present: Key Features and Possible Value for Current Discussions. *The American Sociologist*. Vol. 46. No. 3: 341–355. DOI: 10.1007/s12108-015-9258-9.
- Sorokin P. (2017) Vision and Mission of Sociology: Learning from the Russian Historical Experience. *The American Sociologist*. Vol. 48. No. 2: 135–171. DOI: 10.1007/s12108-016-9303-3.
- Touraine A. (2003) Sociology without Societies. *Current Sociology*. Vol. 51. No. 2: 123–131. DOI: 10.1177/00113921030512005.
- Udehn L. (2002) The Changing Face of Methodological Individualism. *Annual Review of Sociology*. Vol. 28: 479–507. DOI: 10.1146/annurev.soc.28.110601.140938.

"STRUCTURE/AGENCY" PROBLEM IN THE 21st CENTURY: CHANGING SOCIAL REALITY AND RESEARCH IMPLICATIONS

SOROKIN P.S.*, FROUMIN I.D.*

National Research University Higher School of Economics, Russia

Pavel S. SOROKIN, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Senior Research Fellow (psorokin@hse.ru); Isak D. FROUMIN, Dr. Sci. (Pedagog.), Prof., Head (ifroumin@hse.ru). Both – Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Acknowledgements. This work/article is a product of research project implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University (project No. 29). The authors are sincerely grateful to Dr. Yaroslav Kuzminov and Alexander Povalko at National Research University Higher School of Economics for their invaluable advice and support.

Abstract. This article addresses traditional for social thought question of "structure/agency" relations in the context of current problems of socio-economic development at the global and national levels. The focus is more on general social theory. The key thesis of the present paper is that, in the context of negative trends in socio-economic dynamics and significant increase in the pace of social and technological change, the phenomenon of "de-structuration" takes place implying that in various domains of social life (economic, political, cultural e.a.) structures are more and more subject to change thus opening opportunities for "transformative agency" and creating new institutions that may potentially contribute to positive change in socioeconomic development. However, authors suggest that dominating approach in sociological research is insufficient to address these issues. It is demonstrated that human capital theory and, in particular, the T. Schultz's idea about the "entrepreneurial element" of human capital, may be useful for theoretical elaborations and practical solutions responsive to challenges in socioeconomic development. Rich heritage of the Russian sociological tradition may help renovate theoretical and methodological toolbox of sociology.

Keywords: structure/agency, social institutions, current trends of socio-economic development, de-structuration, human capital, Russian sociological tradition, transformative agency.

Received: 24.03.20. Final version: 27.04.20. Accepted: 14.05.20.